

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-21-28
УДК 808+81.04

Некоторые особенности использования модально-временных форм в любовной силлабической поэзии Петровской эпохи

Петр Александрович СЕМЕНОВ

ЧОУ ВПО «Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 17-я линия Васильевского острова, 4-6В
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>, e-mail: 2331638@mail.ru

Some special aspects of the use modal-temporal forms in amatory syllabic poetry of Peter the Great's era

Petr A. SEMENOV

Baltic University of Foreign Languages and Intercultural Cooperation
4-6V 17th line of Vasilyevsky island, St. Petersburg 199034, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>, e-mail: 2331638@mail.ru

Аннотация. Исследование направлено на выявление характера грамматической нормы литературного языка переходного периода и посвящено памяти Надежды Ивановны Гайнуллиной, моего любимого учителя и друга. В центре исследовательских интересов Надежды Ивановны был литературный язык Петровской эпохи. Вопросам освоения заимствованной лексики на материале «Писем и бумаг Петра Великого» была посвящена ее кандидатская диссертация и докторское исследование, статьи и монографии, содержащие глубокое осмысление роли и места Петра Великого в истории русского литературного языка и раскрывающие глубинный смысл происходивших в этот период процессов в литературном языке и, в частности, состояние языковой нормы. Осмыслен этот далекий от нас период истории русского литературного языка, что имеет особую теоретическую значимость, поскольку речь идет о литературном языке *переходной эпохи*. Установлено, что именно такие эпохи дают возможность глубже осмыслить диалектику развития литературного языка, правильно поставить вопрос о соотношении таких важнейших категорий исторической стилистики, как норма, узус, стиль. Утверждено, что выводы, к которым приходит Н.И. Гайнуллина, имеют важное теоретическое значение. Сделаны выводы, что предложенное Н.И. Гайнуллиной понимание нормы переходного периода может иметь теоретическое значение не только для Петровской эпохи, но и для любого переходного периода в истории любого литературного языка, в частности, для понимания языковой ситуации нашего времени, которая характеризуется резкой сменой культурно-исторических парадигм, совершенно определенно отразившихся в современном русском языке, в языке наших дней в виде многослойных инновационных наслоений на относительно традиционные формы выражения.

Ключевые слова: русский литературный язык Петровской эпохи; идеи Н.И. Гайнуллиной; нормы переходного периода

Для цитирования: Семенов П.А. Некоторые особенности использования модально-временных форм в любовной силлабической поэзии Петровской эпохи // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 21-28. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-21-28

Abstract. The research is aimed at revealing the nature of the grammatical norm of the literary language of the transition period and is dedicated to the memory of Nadezhda Gainullina, my favorite teacher and friend. Nadezhda Ivanovna research interests focused on the literary language of the Peter the Great's era. The development of loanword vocabulary on the material of "letters and papers of Peter the Great" was devoted to her candidate dissertation and doctoral research, articles and monographs containing a deep understanding of the role and place of Peter the Great in the history of the Russian literary language and revealing the deep meaning of the processes taking

place during this period in the literary language and, in particular, the state of the language norm. We comprehend this far from us period of the history of the Russian literary language, which has a special theoretical significance, since it is a literary language of the transition period. We have established that such historical periods provide an opportunity to understand the dialectic development of the literary language, the right to raise the question of the relationship between the critical categories of historical styles as a norm, language usage, style. It is approved that findings, which comes to N.I. Gainullina, have important theoretical value. It is concluded that the proposed N.I. Gainullina understanding of the norms of the transition period can be of theoretical importance not only for the Peter the Great's era, but also for any transition period in the history of any literary language, in particular, for understanding the language situation of our time, which is characterized by a sharp change of cultural and historical paradigms, definitely reflected in the modern Russian language, in the language of our days in the form of multilayered innovative layering on the relatively traditional forms of expression.

Keywords: Russian literary language of Peter the Great's era; N.I. Gainullina ideas; transition period norms

For citation: Semenov P.A. Nekotoryye osobennosti ispol'zovaniya modal'no-vremennykh form v lyubovnoy sillabicheskoy poezii Petrovskoy epokhi [Some special aspects of the use modal-temporal forms in amatory syllabic poetry of Peter the Great's era]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 21-28. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-21-28 (In Russian, Abstr. in Engl.)

О языке Петровской эпохи много спорят, при этом оценки языкового состояния могут носить диаметрально противоположный характер. Ср., например, с одной стороны, высказывание В.Д. Левина: «То, что раньше было сосредоточено на разных полюсах языка, что представляло разные языковые системы, отражая феодальное «двуязычие», могло оказаться бессистемно смешанным в пределах одного произведения. К этому добавился мощный иноязычный элемент, что привело к еще большей пестроту письменного языка. Сказалось еще и различие в темпах развития и степени традиционности разных сторон языка. Новая для литературного языка лексика – народно-бытовая или западно-европейская – могла получить архаическое, церковнославянское грамматическое оформление, что создает порой, с точки зрения нашего времени, даже комический эффект, звучит пародийно» [1, с. 117-118]. Подобного рода утверждения можно встретить и в работах других исследователей. Например, В.М. Живов в монографии «Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков» замечает, что языковая ситуация Петровской эпохи достаточно точно характеризуется метафорой А.В. Исаченко «первобытный хаос»: «Первобытный хаос – это то состояние, из которого рождается новая жизнь. В чем состояла хаотичность нового идиома, поддается объяснению. Те элементы, которые раньше были распределены

по разным письменным традициям (по разным регистрам письменного языка), теперь оказываются сваленными в одну кучу, которая в настоящем исследовании именуется «Петровским пулом». Та вариативность, которая раньше была упорядочена фрагментациями узуса по разным регистрам, теперь оказывается неупорядоченной в рамках единого нефрагментированного узуса» [2, с. 541]. При этом в метаязыке, описывающем языковую ситуацию Петровской эпохи, наблюдается незаметное сползание с категории «норма» к категории «узус», говорится о «неустойчивом узусе»: «Этот неустойчивый узус характерен и для начального этапа деятельности академических филологов. В первом академическом издании – имею в виду «Краткое описание комментариев Академии наук» – отдельные переводчики пишут по-разному, и узус в целом отличается большой пестротой» [2, с. 564]. Исследователи как бы признаются в своем бессилии реконструировать *норму* данного периода и тем самым молчаливо или открыто соглашаются с тем, что нормы как таковой нет, и даже более – нет литературного языка: «Гражданский» язык Петровской эпохи, хотя его нередко называют русским литературным языком нового типа, не обладает основными атрибутами литературного языка: ему не присуща ни общеобязательность, ни кодифицированность, ни полифункциональность» [2, с. 543].

Противоположная точка зрения была в свое время высказана в «Лекциях по истории русского литературного языка» Б.А. Лариным: «Многие историки языка, исходя из плохих переводов, считали язык Петровской эпохи неоправданно пестрым, характеризующимся нелепым смешением славянских и заимствованных элементов. Это поверхностные выводы. Верная оценка языка Петровской эпохи должна опираться на лучшие сочинения того времени, необходимо учитывать, на восприятие какого читателя рассчитаны эти произведения» [3, с. 354-355].

Именно эту точку зрения разделяет Н.И. Гайнуллина, утверждая, что «хаос» и «безъязычие», которые «привычно отмечают исследователи, говоря о данном времени, представляется не как отсутствие всяких норм (это, по нашему мнению, взгляд на языковую ситуацию «сверху»), не как смешение, а как *закономерное соединение традиционного и нового*, которое наиболее заметно на уровне лексического употребления в текстах этого времени (взгляд «изнутри»). Это представление о языке с позиций *функционального* подхода, рассматривающего не отдельные уровни системы (строєвый подход, свойственный исторической грамматике), а *текст* как коммуникативное построение более высокого порядка, когда речь идет об *употреблении* языковых единиц... Именно тогда так называемое «смешение» и тем более хаос предстанут как своеобразная *норма переходного периода*» [4, с. 17]. При таком подходе, напротив, для осмысления языковой ситуации исследователям недостаточно категории «узус», так как она, по мнению Н.И. Гайнуллиной, не способствует прояснению сущности происходящих в литературном языке процессов [5, с. 6]. Исследователи этого направления стремятся *реконструировать норму*.

Заметим, однако, что сторонники «подхода Ларина», к которым относится и Н.И. Гайнуллина, для подтверждения своей позиции обычно апеллируют к лексическому материалу. Сторонники противоположной точки зрения («подхода Левина»), напротив, в качестве аргумента широко используют грамматический материал, в особенности морфологию. Это и понятно: если смешение разнородных лексических единиц легко объ-

ясняется новыми темами, идеями, понятиями, пришедшими с новой секуляризованной культурой, и тем самым не может свидетельствовать об «отсутствии норм», то вряд ли новое содержание обязательно требовало смешения разнородных грамматических форм. Получается, что новая лексика есть средство восполнения содержательных лакун, и «неологический взрыв» Петровской эпохи сам по себе был не в состоянии поколебать норму, но *грамматическая пестрота* текстов должна бы служить несомненным доказательством того, что в это время отсутствуют какие-либо кодифицированные нормы и господствует «первобытный хаос».

Тем интереснее посмотреть именно на грамматическую систему с позиций функционального подхода, который отстаивает Н.И. Гайнуллина, то есть проанализировать грамматическую норму не в абстрактном «языке», представленном как набор отвлеченных «парадигм», а в конкретном тексте, с учетом его прагматики, функционального назначения, жанрово-содержательного своеобразия. При этом необходимо учитывать, что предшествующая средневековая культура слова – это риторическая культура, в которой основным строительным материалом текста была *словесная формула*, а с содержательной точки зрения текст распадался на *топосы* – законченные в смысловом отношении фрагменты текста, «речевые куски», в пределах которых получает развитие та или иная тема [6, с. 136-147; 7]. Каждый такой топос характеризовался свойственным именно ему набором словесных формул. XVIII век еще не преодолел эту устойчивую традицию: окончательное разрушение топики, «демонтаж красноречия» (если воспользоваться выражением Р. Лахманн) произойдет позже, в реалистической стилистике XIX века.

Материалом для наших наблюдений будет любовная силлабическая поэзия Петровской эпохи, жанр одновременно традиционный и новый. С одной стороны, любовная лирика была одним из важных проявлений новой светской культуры Петровского времени. Р. Лахманн (правда, несколько упрощая ситуацию) пишет: «Своеобразная динамика русской литературы состояла в том, что поэзия, посвященная теме любви в России, по сравнению с западноевропейской тради-

цией, начала развиваться достаточно поздно... В России не существовало ни любовной темы, ни соответствующей ей риторики. Здесь отсутствовали социальные и идейные структуры, опиравшиеся на служение прекрасной даме. Равным образом отсутствовали стилистические предпосылки для развития любовной поэзии с ее двойной сущностью: придворно-светской и духовной. Лишь в XVIII веке мы встречаем поэзию, обладающую стилистически утонченными формами выражения и топижкой, в которой отражается знакомство с анакреонтикой и петраркизмом» [8, с. 215].

Следовательно, любовная поэзия – это явление новой светской культуры, не имевшее непосредственного аналога в предшествующей литературе. С другой стороны, сами по себе жанры силлабической поэзии духовного и светского (нелюбовного) содержания получили широкое развитие в литературе московского барокко и были жанрами, несомненно, книжной (более того, элитарной, придворной) культуры со своей традицией. Вот почему анализ силлабической любовной лирики Петровского времени с точки зрения интересующего нас вопроса о норме переходного периода представляет несомненный интерес.

Обратимся к выявлению роли модально-временных форм языковой композиции в любовной песне «Кто ми даст слезы якоже Рахили», принадлежащей, по мнению А.В. Позднева, перу неизвестной поэтессы и дошедшую до нас в составе рукописного сборника [9]. Текст этот относится к образцам строгой силлабики, отличается достаточно высоким уровнем литературной отделки и поэтому не может быть приписан к «низовой» демократической литературе.

Языковая композиция анализируемой лирической песни, как и полагается тексту, созданному по законам риторики, членился на вступление (приступ), основную часть (включающую в себя ряд композиционных блоков) и заключение (воззвание). Грамматическим каркасом, создающим языковую композицию текста, являются глагольные формы. При этом в смене модально-временных планов прослеживается достаточно строгая закономерность.

1. **Вступление** выдержано в оптативном модальном ключе. Основная глагольная форма, являющаяся «несущей конструкцией», создающей композиционное и стилистическое единство, – сослагательное наклонение (*оплакала бы*) в сочетании с футуральной формой, включенной в структуру риторического вопроса (*кто даст, кто излиет, кто пошлет*):

Кто ми даст слезы якоже Рахили,
Восплачуся горце в моем смутном деле,
 Свет очию моею лишена,
 От прелюбезна друга оставлена.
Кто слез кровавых **излиет** мне море, –
Оплакала б я сердечное горе,
Кто ми горличны криле **может дати**
Полечу в лесы по друге рыдати.
 Тако с кокушки выпросивши гласы
Куковала б я в лесах по вся часы.
 Лишихся прежде желанья еднago,
 А потом паки також и другаго.
 О, друг мой сладкий, друг любезнейший,
 Паче лучь солнца в любви прекраснейший.
Кто днесь мне **послет** горьких слез криницы,
Оплакала б я свои плачущи зеницы [9, с. 305].

Заметим, что модель «футур + оптатив», являясь «несущей конструкцией» вступления, не является при этом абсолютно преобладающей. Вступление в лирической песне – наиболее разнообразная в модально-временном плане часть, поскольку именно во вступлении задаются основные темы произведения (разлука > слезы > утешение). Единственная архаическая глагольная форма, встретившаяся во вступлении, – аорист 1 л. ед. ч. (*Лишихся прежде желанья еднago*).

Полагаем, что эта форма не является в данном контексте облигаторной и вполне могла быть заменена перфектной (*лишилась*). Думается поэтому, что аорист является в данном случае элементом стилистической отделки произведения. Другой возможной причиной выбора формы аориста является ее гендерная немаркированность (в сравнении с «эловой» формой, обязательно указывающей на род).

2. Следующий композиционный элемент – **изложение** – условно может быть разделен на три топоса: **страдание**, **воспоминание** и **упование**. Лексической скрепой, поддерживающей единство этого композиционного элемента, являются наречия вре-

мени, образующие антонимическую пару: *прежде (в прежние дни) – ныне (днесь)*. Это противопоставление заложено уже во вступлении и проходит через весь текст:

- (1) Лишихся **прежде** желанья едного,
А потом паки також и другаго...
- (2) Кто **днесь** мне послет горьких слез криницы,
Оплакал б я свои плачуши зеницы.
- (3) Где **прежние** наши забавы девались,
Ныне кровь сердцу моему претворилась...
- (4) Пойду в чертоги, где **прежде** бывахом
- (5) На что ж мы **прежде** любовь совершали
Сердце ковати Волкана не звали.
- (6) Како мы **прежде** усты (?) совершахом,
Быть неразлучны в любви обещахом.
Днесь же ни в очи друг друга видаем,
Токмо в надежных сердцах пребываем.
- (7) **Днесь** рассеяны мы в разные страны,
Ох, мне смертные умноженны раны.

А. В топосе **страдание** ведущими временными формами являются презенс и перфект:

О, друг мой сладкий, друг любезнейший,
Паче лучь солнца в любви прекраснейший.
Кто днесь мне послет горьких слез криницы,
Оплакала б я свои плачуши зеницы.
Где прежние наши забавы девались,
Ныне кровь сердцу моему претворилась.
Что так с тобою рано разлучились,
В разные страны, ах, мы отлучились.
Или не в союзной планете рожденны,
Что так с тобою скоро разлученны.
О, свете земный скоро превратливый,
Ох, нам случаю зело несчастливый!
Никогда маю в веселии быти,
И не могу аз тя, друга забытьи.
Заре ночная – мысль во слезах тонет,
Денница к небу – сердце мое стонет.
Солнце восходит – по тебе рыдаю,
Солнце – к полудни – тяжко въздыхаю.
Солнце на запад – то мне обмирати,
Во сне на ложе в слезах утопати [9, с. 305-306].

Б. Единственный раз форма, которую можно условно назвать имперфектной, встретила в топосе «воспоминание»:

Пойду в чертоги, где прежде **бывахом**,
Любви афектом друг друга **лобзахом**.
Не могу прежде на порог вступати,
Доколь не буду аз слез изливати.
Вспомню словеса наши прелюбезна,
Також и дела в дружестве полезна.
На что ж мы прежде любовь совершали,
Сердце ковати Волкана не звали.
Како мы прежде усты (?) **совершахом**,
Быть неразлучны в любви **обещахом** [9, с. 306].

Появление формы имперфекта в подобном контексте можно считать вполне закономерным: семантически она выражает здесь «давнопрошедшее» («преждепрошедшее») время, одновременно передавая и семантику длительности и итеративности (повторяемости). Весь топос выстроен в книжном стилистическом ключе (*аз, чертоги*, инфинитивы с безударным *-ти*), не противоречит этому и европеизм *афект*, который, как и другие немногочисленные европеизмы и мифологизмы (*дама, амур* и т. п.), включается в Петровское время в арсенал книжных стилистических средств. Заметим, что именно по этой причине европеизмы нередко получали архаичные окончания: они осмысливались как элемент книжной культуры, элемент литературной отделки произведения, и «комически» подобные контексты звучат только для нашего читательского уха, но отнюдь не для читателя Петровского времени.

Обратим, однако, внимание на то, что имперфект – отнюдь не облигаторная форма в данном топосе. В том же контексте в той же функции встречается и «эловая» форма: *На что ж мы прежде любовь совершали, Сердце ковати Волкана не звали*. Однако имперфект здесь задает и создает модально-временную рамку топоса: он открывает топос и закрывает его, обозначая тем самым границы. Ср. предыдущий контекст – топос «страдание», в котором организующей временной формой является презенс:

Заре ночная – мысль в слезах тонет,
Денница к небу – сердце мое стонет.
Солнце восходит – по тебе рыдаю,
Солнце к полудни – тяжко въздыхаю.
Солнце на запад – то мне обмирати,
Во сне на ложе в слезах утопати [9, с. 306].

Далее следует «импрефективный» топос «воспоминание» (*Пойду в чертоги, где пре-*

жде **бываюм**, Любви афектом друг друга **лобзаюм**... Быть неразлучны в любви **обе-щаюм**). А следующий топос опять переводит лирическое повествование в план настоящего: *Днесь же ни в очи друг друга видаем, Токмо в надежных сердцах пребываем*. На границу топосов указывают и наречия *прежде* – *днесь*, разделяющие топосы, но одновременно и соединяющие их в единое произведение. Средством семантического сопряжения первого и второго топосов является итеративная семантика цикличности. В первом топосе (страдание) она создается лексическими средствами, указывающими на повторяемость (*заре ноцная – денница к небу – солнце к полудни – солнце на запад*), а в следующем топосе (воспоминание) для этого как раз и понадобились формы имперфекта. Третий топос, возвращаясь в план настоящего, носит в то же время и подытоживающий характер (*Днесь же ни в очи друг друга видаем, Токмо в надежных сердцах пребываем*), в силу чего итеративное значение сменяется значением настоящего постоянного и даже вневременного (абстрактного).

В. Топос «упование», завершающий основную часть «плача», опять переводит изложение в ирреальный план путем использования форм сослагательного наклонения. Лексическим средством, создающим композиционное целое в этой части риторического построения, является наречие *лучше*:

Дабы пребыли во веки удружны,
Купно **бы** оба **были** неразлучны.
Лутче с тобою прежде дружитца,
Нежель днесь, не видя тебя, крушитца.
Вем яко **бы** всех и мя **оставили**,
Не болши по мне в печали скорбели.
Ибо кляхомся мы нелицемерно,
Дабы до смерти в дружбе жити верно.
Двое нас телом – мысль сердцем единым,
Ах, разлучила нещастна година.
Что един хочет купно мы желаем,
Что ж ненавидим, тое отметаем.
Днесь рассеяны мы в разные страны,
Ох, мне смертные умноженны раны.
Лутче бы в нас Марсу меч свой утопити,
И моею кровью стрелы упоити.
Тело **бы** наше вкупе **умертвилось**,
Во едином гробе мы **положились**
Лутче Позефора нас **бы** **умертвила**,
Очеса песком гробным нас покрыла

[9, с. 306-307].

Оптативные топосы развивают возникшую тему вечности, постоянства любви, но поданную уже в ином модальном ключе: *Дабы пребыли во веки удружны, Купно бы оба были неразлучны... Ибо кляхомся мы нелицемерно, дабы до смерти в дружбе жити верно*. В последнем случае опять понадобилась имперфектная форма, но она уже характеризуется некоей пространственно-временной нелокализованностью.

Еще одна закономерность модально-временной организации всего текста – постепенное ослабление временной локализованности и усиление абстрактности. С этой точки зрения весь текст распадается на четыре части: (1) ведущий топос – страдание, организующие формы времени – настоящее актуальное и перфект в собственно перфектном значении; (2) ведущий топос – страдание, организующая форма времени – настоящее повторяющееся; (3) топос «воспоминание», организующая форма времени – импрефект в итеративном значении; (4) ведущий топос – упование; организующие модально-временные формы – оптатив, настоящее постоянное.

3. **Заключение** представляет собой «воззвание» и выстроено в императивно-оптативном ключе:

Ах бо ты, Венера, к тебе прибегаю,
Тебе молитву аз простираю.
Яви нам ныне своей благодати,
Пошли Купиду паки нас собрати.
Да мы, друг друга зряще, **веселились**,
Верно до смерти в любви **насладились**

[9, с. 307].

Проведенный анализ системы временных форм в структуре лирико-повествовательных топосов позволяет сделать два вывода – частный и общий.

1. *Частный вывод* касается функционирования временных форм. Архаичные времена в исследуемых текстах не представляют собой абсолютно «пустых форм». «Пустыми» их можно назвать только в том смысле, что они, утратив свои исконные значения, используются как стилистическое средство. Однако, являясь стилистическим средством, они в то же время, наряду с другими глагольными формами, создают модально-временную рамку топоса, включаясь тем самым в текстовую глагольную парадигму и преоб-

разуя свои старые грамматические значения в соответствии с новыми условиями функционирования в контексте.

2. Во всех случаях архаичные глагольные формы используются по принципу стилистического согласования, все контексты, в которых они встречаются, выдержаны в книжном стилистическом ключе. Это позволяет сделать *общий вывод о характере нормы переходного периода*.

Можно утверждать, что любовная лирика Петровской эпохи, несмотря на молодость, новизну этого жанра для русской литературы, – это поэзия традиционных форм, устойчивых топосов. Противоречия в этом утверждении нет, поскольку литература Петровской эпохи, как и литература предшествующего периода, основывалась на канонах риторики; поэтому к относительно новому материалу (любовной теме) применялись старые риторические правила и образцы («приклады»), пришедшие из «Риторик» и «Поэтик» XVII века. Обновление этих образцов заключалось лишь в том, что они приспособлялись авторами к выражению нового содержания, а для такого приспособления, естественно, рекрутировались языковые средства и из «галантной» западноевропейской литературы (мифологизмы, европеизмы), и из народной поэзии. При этом очевидно, что в структурировании текста лексика участвует *через грамматику*, следовательно, архаичные грамматические формы,

которые при поверхностном рассмотрении кажутся непонятными «реликтами», немотивированными «окказионализмами», входят в текст не сами по себе, а в составе традиционных формул. И как только литература вырабатала новые формы выражения, перестав нуждаться в традиционных формулах, вместе с ними вышли из употребления и простые претериты, и прочая грамматическая архаика.

Для нас важен тот факт, что при этом обновлении риторического арсенала в связи с новизной содержания происходило соединение в пределах одного контекста традиционного и нового, тем самым шло *обновление литературного языка*, с постепенным вытеснением архаизмов по мере преобразования традиционных формул. Якобы характерные для Петровской эпохи языковая пестрота, безнормие, причудливое смешение разнородных языковых форм, о чем часто пишут исследователи, – это только внешняя сторона происходивших в литературном языке процессов. Нормативное мышление предшествующей эпохи не могло бесследно исчезнуть в бурное время реформ: оно проявилось в создании новой *нормы переходного периода* (Н.И. Гайнуллина [10; 11]), сущность которой заключалась в приспособлении традиционно-книжных форм для выражения нового содержания и в восполнении неизбежно возникающих при этом лакун новыми языковыми средствами разного генезиса.

Список литературы

1. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1964. 248 с.
2. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. 655 с.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005. 416 с.
4. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века. Алматы, 1995. 276 с.
5. Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2004. № 2 (74). С. 4-7.
6. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. 296 с.
7. Колесов В.В. История русского языка. Москва; Санкт-Петербург, 2005.
8. Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб., 2001. 366 с.
9. Позднеев А.В. Неизвестная поэтика Петровского времени // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.). М., 1971. С. 305-307.
10. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах Петра Великого» (К проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.
11. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: КазНУ, 2002.

References

1. Levin V.D. *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Short Note of Russian Literary Language History]. Moscow, 1964, 248 p. (In Russian).
2. Zhivov V.M. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Historical Morphology Notes of the Russian Language 17th–18th Centuries]. Moscow, 2004, 655 p. (In Russian).
3. Larin B.A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian Literary Language]. St. Petersburg, 2005, 416 p. (In Russian).
4. Gaynullina N.I. *Epistolyarnoye naslediyе Petra Velikogo v istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka* [Epistolary Heritage of Peter the Great in the History of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Almaty, 1995, 276 p. (In Russian).
5. Gaynullina N.I. O smeshannom kharaktere russkogo yazyka i norme perekhodnogo perioda [On the mixed nature of the Russian language and the norm of the transition period]. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – KazNU Bulletin. Philology Series*, 2004, no. 2 (74), pp. 4-7. (In Russian).
6. Kolesov V.V. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, 1989, 296 p. (In Russian).
7. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of Russian Language]. Moscow; St. Petersburg, 2005. (In Russian).
8. Lakhmann R. *Demontazh krasnorechiya* [The Dismantling of Eloquence]. St. Petersburg, 2001, 366 p. (In Russian).
9. Pozdneyev A.V. Neizvestnaya poetessa Petrovskogo vremeni [An Unknown Poetess of Peter the Great's Era]. *Russkaya literatura na rubezhe dvukh epokh (XVII – nachalo XVIII v.)* [Russian literature at the turn of two eras (17th – early of 18th century)]. Moscow, 1971, pp. 305-307. (In Russian).
10. Gaynullina N.I. *Zaimstvovannaya leksika v «Pis'makh i bumagakh Petra Velikogo» (K probleme osvoyeniya slov inoyazychnogo proiskhozhdeniya v Petrovskuyu epokhu): dis. ... kand. filol. nauk* [Loanword Vocabulary in the "Letters and Papers of Peter the Great" (to the Problem of Mastering the Words of Foreign Origin in the Peter the Great's Era). Cand. philol. sci. diss.]. Alma-Ata, 1973. (In Russian).
11. Gaynullina N.I. *Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo (Opyt diakhronicheskogo opisaniya)* [Language Personality of Peter the Great (Diachronic Description Experience)]. Almaty, Al-Farabi Kazakh National University Publ., 2002. (In Russian).

Информация об авторе

Семенов Петр Александрович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: 2331638@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>

Поступила в редакцию 11.12.2018 г.
Поступила после рецензирования 14.01.2019 г.
Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Petr A. Semenov, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Social-Humanitarian and Natural Sciences Department. Baltic University of Foreign Languages and Intercultural Cooperation, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: 2331638@mail.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9825-6044>

Received 11 December 2018
Reviewed 14 January 2019
Accepted for press 20 February 2019